

Дорогие читатели!

С большой радостью представляю вам свой роман-триллер «Горькая истина». Было очень интересно погрузиться в мир персонажей этой истории и узнать, чем же она закончится, а теперь я делюсь этим опытом с вами.

Несмотря на эмоциональный подъем, должна заметить, что в романе есть моменты, которые могут быть восприняты болезненно. Так, в книге описаны тяжелая сцена изнасилования / изнасилования на свидании, использование лекарства в качестве наркотика, домашнее насилие, психические расстройства и расстройства пищевого поведения, а также бодишейминг — издевательства из-за недостатков телосложения.

Перед вами, конечно, художественный вымысел, тем не менее я всегда стараюсь мягко предупредить о травмирующих событиях, происходящих в моих книгах, ведь то, что приемлемо для меня, может быть неприемлемым для других, а ваше душевное здоровье для меня важнее всего.

Мечтаю, чтобы вы бурно обсуждали мои книги во время дискуссий в книжных клубах и, может быть, с другом, который тоже любит читать, но в нашем мире так много людей, все еще живущих с болью, что ради самих себя мы должны оберегать свой покой.

С любовью,

Шанора

Посвящается моей бабушке Гвен

ПРОЛОГ

Стоя перед коттеджем, он сделал глубокий вдох и сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони. За спиной висел тяжелый рюкзак с учебниками, и там же лежали двенадцать долларов — он получил их за то, что помог Крису Морану написать сочинение. Он облизнул губы; в горле пересохло. Больше всего ему хотелось зайти в дом, налить в чашку ледяной воды и с жадностью выпить ее до дна, но что-то его останавливало.

Опустив взгляд, он уставился на собственные ноги в черно-белых «чаксах». Кеды грязные, сбоку дыра. Повезло, что в школе все думают, будто это такой крутой тренд. Но на самом деле кеды порвались, оттого что больше носить нечего. Как он ни упрашивал, мама уже несколько месяцев не покупала ему новую обувь.

Мама уже не тот человек, что раньше. Она изменилась, и особенно после того, как ее выпустили из клиники. Дядя твердил, что надо потерпеть, советовал поддерживать маму, говорил, что дела у нее наладятся, хотя было ясно: становится только хуже.

Ветка дерева над коттеджем громко скрипнула, и он переступил с ноги на ногу. Слева был припаркован потрепанный бордовый «бьюик». Значит, мать дома. Сейчас или никогда. Он двинулся с места и, не

останавливаясь, дошел до двери. Повернул ручку, но дверь, как он и ожидал, была заперта. Он вытащил из кармана ключ, открыл замок и решительно шагнул за порог.

Закрывая за собой дверь, он обратил внимание, какая зловещая тишина царит в коттедже. Он привык, что здесь всегда тихо, но эта тишина была совсем другой. Казалось, все в доме застыло. Даже кран на кухне, из которого постоянно капало, как ни закручивай вентили, сегодня не протекал. Ни треска, ни шороха. Тишину нарушил только он сам, когда спустил с плеч лямки рюкзака и тот плюхнулся на пол. Он хотел позвать маму, но вместо этого пошел на кухню и налил воды в чашку. Когда она наполнилась до краев, он осушил ее четырьмя большими глотками и поставил на столешницу.

Из дальней части коттеджа донесся скрип, и он вышел в коридор. Там горел свет, но двери обеих спален были закрыты. Первым делом он заглянул в свою комнату, потому что иногда мама любила сидеть в его стенном шкафу, съезжившись и сжимая в руках бейсбольную битку. В свой шкаф она не пряталась: там лежали ее личные вещи с документами и мама не хотела, чтобы «люди, которые ее ищут», нашли их и украли ее персональные данные. Убедившись, что в шкафу мамы нет, он приблизился к двери напротив.

Взявшись за ручку, он приоткрыл рот и медленно выдохнул.

— Мама! — позвал он и сглотнул ком в горле, дожидаясь ответа.

Но услышал только громкий скрип, доносившийся из ее комнаты. Он бросил взгляд в конец коридора, где виднелась мебель в шотландскую клетку. «Я, на-

верное, лучше пойду делать уроки или лягу вздремнуть», — подумал он. Мама рано или поздно выйдет. Иногда она вела себя как обычно, готовила ужин и просила его накрыть на стол. Но в другие дни... в другие дни все было из рук вон плохо. А он не хотел, чтобы этот день тоже вошел в число плохих. Правда, ни учеба, ни сон положение не исправят.

Ситуацию из-под контроля выпускать нельзя, а значит, к маме надо идти сейчас. Может быть, он даст ей таблетки, чтобы она проспала весь вечер и дом оказался в его полном распоряжении. Тогда он сбегает в магазин, купит на свои двенадцать баксов вафель и хрустящих подушечек «Кэп-эн Кранч», а потом включит мультики и налопается от пуза. Мама никогда не разрешала ему есть такое. Он сразу оживился.

С этой мыслью он повернул ручку и открыл дверь маминой комнаты. Только зря он это сделал, потому что при виде матери его чуть не вырвало.

Она висела на шнуре, примотанном к разошедшейся потолочной балке: ноги болтаются в воздухе, лицо жуткого сине-багрового цвета. Конец шнура был плотно обвязан вокруг ее шеи; широко распахнутые глаза смотрели прямо на него.

Он хотел закричать. Заплакать. Позвонить дяде и сказать, чтобы тот приезжал как можно быстрее и забрал его отсюда. Но он ничего такого не сделал.

Вместо этого, глядя на безжизненное тело матери, свисающее с потолка, он облегченно вздохнул.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОМИНИК

Существует много вещей, которые могут изменить жизнь.

Новая работа.

Уведомление о выселении.

Смертельный диагноз.

Жизнь вовсе не так проста, как думают люди. Мы плывем по течению, приспосабливаемся к новым условиям, цепляемся за надежду, но у всех нас есть недостатки, которые становятся причиной этих перемен, и в конце концов наши пороки нас губят. Именно об этом мрачно размышляет Доминик Бейкер, сидя в своем кабинете.

Он слушает, как его жена Джолин ходит по кухне, гремит тарелками и кастрюлями. Когда он отправился в кабинет, кухня пустовала, значит Джолин уже вернулась с пробежки. Неплохо было бы присоединиться к ней и тоже побегать, но не до того: избирательная кампания в самом разгаре — он баллотируется на второй губернаторский срок, выборы стремительно приближаются, и у него не жизнь, а сплошной стресс.

Сегодня мероприятие на окраине Роли: Доминик будет общаться с избирателями в парке. Если верить

его политтехнологу Джиму Пилтону, там соберется больше шестисот человек. Все ждут встречи с ним, популярным сорокалетним кандидатом с темной кожей и идеальной улыбкой. Люди возлагают большие надежды на Доминика Бейкера, человека, который поднимает Северную Каролину. Во всяком случае, так гласит его слоган: «Поднимем Северную Каролину».

Сейчас он жалеет, что ввязался в эту избирательную кампанию. Четыре года назад ему следовало бы умерить амбиции и отказаться от поста губернатора. Тогда никто не лез бы в его частную жизнь, да и терять ему было бы практически нечего.

Но Доминик всегда хотел заниматься политикой. Он мечтал об этом еще в старших классах, и какая-то мелкая неприятность его не остановит. Доминик поступил в колледж, участвовал в выборах в студенческие советы, выдвигался на посты в городском совете Роли и даже был вице-губернатором штата, прежде чем официально занять губернаторское кресло. Он трудился в поте лица, укрепляя свой статус и налаживая профессиональные связи, и тяжелая работа принесла свои плоды. Но все люди с успешной карьерой совершали ошибки, сделавшие их теми, кто они есть, и у каждого из них найдется тщательно оберегаемый секрет. Это осознание приходит к Доминику, когда он изучает записку, лежащую перед ним на столе.

Несмываемым маркером, насквозь пропитавшим бумагу, на вырванном из блокнота тонком листке выведены слова: Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ. ГДЕ БРИНН?

Стоит Доминику их перечитать, и его сердце снова колотится, правда не так сильно, как в тот момент,

когда он обнаружил эту бумажку. Кто-то засунул ее в середину стопки писем в почтовом ящике. Доминик вышел проверить почту, начал перебирать рекламные брошюры и счета, и вдруг сложенная записка выпорхнула и приземлилась рядом с ним. Доминик поднял листок, прочел, и открытые конверты, выпав из рук, разлетелись в стороны. Грудь Доминика будто сдавило обручем, а в горле застрял вязкий, липкий ком.

Он быстро обернулся, окидывая взглядом окрестности, но ничего особенного не заметил. Соседние дома стояли поодаль, и хотя от посторонних глаз его жилище отгораживали ели и вязы, за их стволами мог укрыться кто угодно. На улице была припаркована только одна машина — патрульная. Один из сидевших внутри офицеров полиции хотел было выйти, чтобы помочь Доминику собрать упавшие письма, но тот взмахом ладони дал понять, что справится сам, чем тут же и занялся, украдкой спрятав записку.

У Доминика тряслись руки. Дойдя до порога, он с трудом повернул ручку двери, потом захлопнул ее за собой. Постоял минуту в коридоре, чтобы Джолин не увидела его в таком взвинченном состоянии. Сделав несколько глубоких вдохов, он сунул записку в карман. Бросив почту на журнальный столик, Доминик поспешил в кабинет. С тех пор прошло почти десять минут, но унять дрожь в руках он так и не сумел.

От кого записка? Кто принес ее? И как, черт возьми, этот человек узнал о Бринн?! Подняв взгляд, Доминик прислушивается: жена все еще возится на кухне, даже не подозревая, в каком он ужасе.

Доминик резко выдвигает нижний ящик стола и, покопавшись среди бумаг, упаковок жвачки, мятных конфет и зарядных устройств, отыскивает мас-

сивный телефон-раскладушку «Нокиа». Мобильник разряжен. Схватив зарядник, Доминик втыкает его в ближайшую розетку. Когда на знаке батареи появляется одна полоска и телефон оживает, Доминик набирает единственный номер, сохраненный в списке контактов, но перед этим вскакивает и закрывает дверь, постаравшись сделать это как можно тише. Не хватало только, чтобы разговор услышала Джолин.

Доминик судорожно вцепляется в телефон, прижимая его вплотную к уху. Гудки, гудки — и вот наконец на звонок отвечают.

- Боаз, — произносит хриплый голос.
- Кому-то все известно, — шепчет Доминик.
- Что известно? — резко переспрашивает Боаз.
- Про ту ночь. Про девушку. Про ковер.

Доминик старается выражаться расплывчато, не называя ни имен, ни мест.

— Никто об этом узнать не мог, — возражает Боаз. — Откуда?

— Мне в почтовый ящик бросили послание, написанное от руки. Боаз, этот человек знает, где я живу! Ты же сказал, что решил проблему! Так почему, черт возьми, мне приходят анонимные записки?

— Для начала успокойся.

— Не смей меня успокаивать! — злится Доминик. — Об этом знали только три человека — ты, я и чистильщик. Ты уж точно не настолько глуп, чтобы ворошить эту историю, а про чистильщика ты сказал, что он много лет на тебя работает. Ну и зачем ему мне писать?

— Приятель, мы тут ни при чем. У тебя что, крыша поехала? Наверное, тебя просто кто-то попутать решил.

— Но как...

Доминик с протяжным вздохом умолкает. Он не знает, что сказать. В голове крутится множество вопросов. Он даже приблизительно не догадывается, кто стоит за этой угрозой.

— Слушай, никто ничего узнать не мог. Все было сделано осторожно, — продолжает Боаз. — Я ведь собственной шеей рисковал. Думаешь, я стал бы оставлять следы?

Доминику хочется ему верить, но эти слова его не обнадеживают. Боаз — человек дотошный и аккуратный, но это еще не значит, что за ним никто не наблюдал. Дом, где Доминик был с Бринн, находился на частной территории, деревьев вокруг хватало, да и укромных мест, чтобы спрятаться, там более чем достаточно. Но кто мог за ними наблюдать? Никто не знал, куда отправился Доминик, кроме Джона, хозяина дома, а он уж точно ни при чем. У Джона свои секреты, и Доминику они известны, так что хозяин рта бы не раскрыл, боясь, что тайное станет явным.

— Мне надо идти, — ворчит Боаз. — И если тебя не убивают, на этот номер больше не звони.

С этими словами Боаз дает отбой, а Доминик опускает руку с телефоном и приваливается к стене.

Чем дольше он перебирает в уме разные варианты, тем плотнее ком у него в горле. В ту ночь там были только Боаз и Доминик. Больше никого. Даже Джолин ни о чем не подозревала. Доминик сказал ей, что остановился в отеле «Риц-Карлтон». Тогда он думал, что соблюдает все предосторожности, однако за ним явно кто-то следил. Кто, когда и как, непонятно. Однако факт налицо.

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ. ГДЕ БРИНН?

Слова звучат у него в голове как злая насмешка, и вдруг Доминику становится нечем дышать. Схва-

тившись за грудь, он ковыляет к креслу и падает в него. Он судорожно втягивает в себя воздух, желудок скручивается узлом.

В этот момент, когда телефон с номером, не зарегистрированным на фамилию владельца, выскальзывает из пальцев и падает на колени, Доминик твердо уверен в одном: жизнь, которую он для себя выстроил, кончена, если он не отыщет автора записки.

ДЖОЛИН

Напевая себе под нос, я режу грейпфрут, и красный сок брызжет на разделочную доску. На сковороде шкварчат сосиски из индейки, рядом варятся четыре яйца. Я снова вонзаю нож в грейпфрут, глядя на блестящее лезвие и крепко сжимая твердую рукоятку. Разжав пальцы, вздыхаю.

Понятия не имею, зачем я готовлю для мужа. Вряд ли он сядет за стол и разделит со мной завтрак. По-моему, наш брак превратился в союз без любви — все делается только для вида. Совсем не к этому я стремилась, и одиннадцать лет жизни, которые я посвятила Доминику, — тому доказательство. Я обеспечиваю ему стабильность. Толкаю его вперед. Отдаю всю себя без остатка, хотя он часто вовсе не заслуживает такой щедрости.

Вот дверь в кабинет Доминика со щелчком захлопывается, и я сразу понимаю: он что-то скрывает. Опять. Перестаю мурлыкать себе под нос и настораживаюсь. До меня долетает приглушенное бормотание. У моего мужа есть секреты. Как и у всех нас.

Бросаю мякоть грейпфрута в соковыжималку и наблюдаю, как она превращается в красивую красно-розовую смесь. Наконец, когда я разливаю сок по двум

узким стаканам, дверь кабинета открывается и в коридоре раздаются шаги Доминика. Он входит на кухню, одетый в безупречный темно-синий костюм со значком в виде американского флага, прикрепленным к лацкану. На ткани — ни морщинки и благодаря нашей ближайшей химчистке ни пятнышка. Костюм сидит точно по фигуре и сидит на Доминике идеально.

Мой отец всегда говорил: «Чтобы тебя воспринимали всерьез, одевайся соответственно положению». Во времена нашего знакомства Доминик разгуливал в простых футболках, джинсах и кроссовках. Но как только он стал моим, я вложилась в его стиль. Начинала постепенно: джинсы пока остались, но на смену футболкам пришли рубашки. Кроссовки я ему носить разрешала, но лишь для того, чтобы он сам заметил: люди нашего круга не ходят в них каждый день, а уж если я что-то знаю про своего мужа, так это то, что он терпеть не может быть белой вороной. Так мы с ним вместе перешли на деловые костюмы и дизайнерскую обувь.

подавляю вздох. Только взгляните на него! Красавец-мужчина! Иногда я скучаю по нам прежним. Его волосы, подстриженные по-армейски коротко, чуть выются на затылке, а галстук висит так ровно, будто Доминик его только что поправил. В льющемся из окна солнечном свете его золотисто-коричневая кожа сияет и кажется атласной, а в светло-карих глазах пляшут искорки.

Было время, когда он входил ко мне на кухню и расплывался в широкой белозубой улыбке. Больше Доминик не улыбается. Вместо этого он направляется к барной стойке и берет стакан сока и три сосиски.

— Митинг сегодня. Придешь? — спрашивает Доминик, сделав несколько глотков сока.

— Конечно приду, — отвечаю я. — Для тебя главное, чтобы все выглядело как положено, да?

Доминик бросает на меня взгляд, выражающий нечто среднее между растерянностью и досадой. Быстро допив сок, он снимает с крючка на стене ключи и хватает папку, оставленную с вечера на столе, — в ней лежит распечатка его сегодняшней речи. Текст я написала для мужа примерно месяц назад. Думаете, он сказал мне спасибо? Как бы не так.

— Смотри не опоздай, Джо, — предупреждает меня Доминик и уходит.

За ним закрывается дверь, и я смотрю в кухонное окно над раковиной, провожая мужа взглядом. Если сегодня обошлось без накладок, в машине возле дома уже сидит охрана, дожидаясь, когда губернатор поедет по делам. На подъездной дорожке — черный «тахо» с включенным двигателем. Доминик забирается на заднее сиденье, и внедорожник трогается с места. Наша подъездная дорожка описывает дугу, поэтому из окна кухни не видно ни улицы, ни ворот. Слева и справа от них участок огорожен кирпичной стеной высотой до колена и зеленой изгородью.

Как только внедорожник исчезает за поворотом, я бегу из кухни в кабинет Доминика. Мой муж что-то скрывает. Не знаю, что именно, однако ключ к тайне наверняка там.

Ищу на столе незнакомые предметы, однако на нем лежит то же, что и обычно. Распечатанные речи, листы бумаги. Скрепки, авторучки, степлер. Дергаю ручку верхнего правого ящика, но внутри — одни канцтовары. Верхний левый ящик набит жвачкой и семечками подсолнечника — этой вредной привычкой мой муж заменяет алкоголь. Если у Доминика намечается мероприятие, накануне вечером он старается не пить спиртного.